

Малычик с
сердцем цвѣта
индиго

16+

Nilab Sadeqi
نيلاب صادقى

Nilab Sadeqi

Мальчик с сердцем цвета индиго

«Автор»

2020

Sadeqi N.

Мальчик с сердцем цвета индиго / N. Sadeqi — «Автор», 2020

Роман о принимающей любви, которая может исцелить раны, нанесённые детям с раннего детства. Главный герой проходит свою жизнь от рождения и до момента полного понимания и принятия своего основного противника - отца. Книга затрагивает рост и развитие молодого человека с момента начала жизни через противостояние отцу и до окончательного освобождения из клетки опеки и тревог родителя. В романе затронуты четыре экзистенциальные данности легким художественным языком. Роман написан за 30 дней в период литературного марафона. Картина на обложке является частью романа. Приятного чтения.

© Sadeqi N., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	19
Глава 5	21
Глава 6	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Nilab Sadeqi

Мальчик с сердцем цвета индиго

Дорогой читатель!

Прежде чем вы погрузитесь в историю Илана и Хилай, я хотела бы поделиться с вами ключом к пониманию глубинного смысла этой книги. То, что на первый взгляд может показаться историей о взрослении и взаимоотношениях, на самом деле является метафорой, аллегорией внутреннего мира человека. Эта книга настолько не о любви между мужчиной и женщиной, насколько может показаться именно о ней при чтении. Это сплошная аллегория, и, вопреки привычному, каждый персонаж здесь – всего лишь метафора. Ключом к разгадке этих живых «метафорических образов» являются их имена.

Центром всей этой аллегории является корень и ствол личности – Илан. Все остальные персонажи – это наши желания, стремления, страхи, преграды, наш рост и развитие. Эта книга о выборе, о путях к нему, о воле и о наших внутренних конфликтах, которые направляют нас в ту или иную сторону.

Сначала я оставила книгу такой, какая она есть – традиционный роман о любви юноши и его Музы. Каждый читатель имел возможность сам извлечь из нее то, что к нему струилось со страниц романа. Но теперь я поняла, что созрела для раскрытия смысла книги таким, каким я его создавала в период литературного марафона в ноябре 2020 года, когда за 30 дней нужно было написать роман в пятьдесят тысяч слов.

Сейчас я тоже не буду раскрывать все свои замыслы, вложенные в книгу, оставив выбор вновь за читателем, но опубликую имена героев и значения этих имен.

В центре повествования находятся два ключевых образа: Илан и Хилай.

Илан – «дерево», и это не просто имя. Он символизирует ствол личности, нашу основу, связь с внешним миром, нашу телесность, наши действия и наше взаимодействие с реальностью.

Хилай – «##### #####» («табее хуриид») на дари означает «сияние солнца», «солнечный свет» – напротив, представляет собой душу, внутренний огонь, поэзию, музыку нашего существования. Это та внутренняя сила, которая стремится к самовыражению и наполнению жизни смыслом.

Конфликт и взаимодействие между Иланом и Хилай отражают внутреннюю динамику нашей психики, борьбу между рациональным и эмоциональным, между долгом и желанием, между телесными потребностями и духовными порывами.

Исмаил. Не менее важен в этой метафорической картине образ Отца. Он несет в себе глубокий символизм, связанный с преданием об Исмаиле.

Это лишь первый ключ к разгадке. В дальнейшем я приведу только значения имен других персонажей, чьи роли также не случайны и несут в себе определенный смысл, раскрывая различные аспекты внутреннего мира человека.

Ханна – «милость», «благосклонность», «милосердие».

Амирам – «мой народ возвышен». Амирам символизирует подчинение социальным нормам и традициям в ущерб личной свободе.

Ашер – «счастливый», «благословенный». Ашер является символом стремления к личной независимости и следованию своим желаниям.

Идит – значение которого связано с «избранная», «успех», «лучшая».

Ирит – «асфodelь, цветок» и «нежность».

Ниссим – «чудеса», несущий неожиданную помощь, вдохновение.

Ниндини – санскритское имя – «дочь; восхитительная; вид ароматных духов».

Фаравиндад – первая часть «Фара» связана с величием или сиянием, вдохновлено зороастрийскими корнями автора.

Селина – имя имеет греческое происхождение и связано с богиней Луны Селеной. Луна в книге сопоставляется с Солнцем, фигурирующим в значении имени Хилай.

Дов – «медведь», друг Илана, символизирует силу воли, поддержку и защиту для «ствола личности».

Рахамим – «милосердный», олицетворяет внутреннее милосердие, мудрость и способность к исцелению. Его связь с моим старшим дядей Рахимом делает этот образ особенно значимым для меня лично, как проводника мудрости.

Бохтар – «Бактрия», символизирует влияние культурного и исторического контекста на душу. Отражает возвращение души к своим корням из-за неготовности к полной свободе (что было моим авторским решением). Изначально имя «Бохтар» должно было быть в книге именем «Азад», что означает «свобода», но я так и не смогла этого сделать, так как сама не была готова к этому ходу событий в жизни.

Таким образом, эта история – не просто повествование об Илане и Хилай, а путешествие по лабиринтам человеческой души, где каждый персонаж – это грань нашего внутреннего «я». «Мальчик с сердцем цвета индиго» – это многослойная метафора, исследующая внутренний конфликт между страхом и самореализацией, влияние культурных традиций на личность и сложный путь обретения внутренней гармонии и свободы. История Илана и Хилай – это отражение универсальных вопросов человеческого существования, приглашающее читателя к глубокому самопознанию и размышлению о собственном внутреннем мире и своих корнях.

Пролог

История эта древняя как мир. Она циркулирует на Земле из столетия в столетие и встречается в разной интерпретации. О ней столько написано, столько сказано, столько пережито, но никогда не бывает лишним еще раз взглянуть на нее с другого угла и взглянуть на ее старые, знакомые и зачитанные подробности на новой волне чувств. История эта называется Жизнь, и основной герой в ней – Любовь. И встречается Она чаще всего там, где сходятся два края мира.

На берегу теплого, тихого бирюзово-синего моря сидела молодая пара. Красиво сложенный молодой человек с загорелой под ярким солнцем кожей цвета свежего темного гречишного меда, кудрявой головой с густыми темно-коричневыми волосами и девушка, облокотившаяся на его колени своей тонкой хрупкой спиной, с голубыми глазами, глубокими, как воды моря, и локонами цвета песка с белым перламутром. Они улыбались друг другу и о чем-то мило вели свою непринужденную беседу, но примечательнее всего были их взгляды друг на друга. Ровно также в этот момент смотрели друг на друга небеса ярко-лососевого цвета с заходящим ярким, ослепляющим солнцем и море, согревшееся под его лучами и отражающее небеса как зеркало глубокого лазурно-синего цвета.

Взгляды пары сочились теплотой и нежностью, пониманием и единством мыслей, словно полное отражение внутреннего мира друг друга, что смотрелось еще более экзотично, учитывая их полное противостояние во внешнем. Девушка внезапно громко засмеялась и игриво произнесла:

– Ладно, а если... а если я стану деревом?

– Тогда я буду твоей тенью!

– Ммм... Хороший ход! А если птицей? Высоко летающей над горами?

– Буду воздухом, – отвечал с нежностью проникновенным голосом молодой человек. С каждым его ответом его глаза того же цвета, что и волосы, становились как будто шире, а зрачки напоминали девушке некий огромный мир, вселенную, наполненную бесконечной любовью.

– Тогда я бы выбрала в своей следующей жизни родиться мужчиной! – широко и торжественно улыбнулась хитрой улыбкой девушка, решив, что теперь точно не оставила ему выбора.

– А я буду рожден тогда девушкой... – с иронией, печальным голосом произнес молодой человек, и оба засмеялись во весь голос.

Глава 1

Каждое мгновение на Земле появляются новые жизни. Это капельки бесценной стихии огня, воды, земли и воздуха. К великому человеческому несчастью, несмотря на огромный багаж опыта и длительности существования, мы, люди, не научились все еще ценить подобающим образом этот кусочек драгоценного. Но дар этот посещает почти всегда и всех, а ценность приходит иногда с годами, но это при лучшем раскладе.

В этот день в одной далекой точке мира семье Исмаила, хозяина маленького магазина в самой посещаемой туристами части исторического города, и его жены Ханны был преподнесен пятый по счету дар – капля чистой воды, прохладной, немного сдержанной и чуть менее эмоциональной, чем частички других стихий. Мальчику отец семейства решил дать имя Илан, что означало «дерево». Исмаил, невысокий, плотного телосложения молодой мужчина, очень ждал появления сына на свет, так как считал, что старшие два не очень годны для поддержания жизни его детища, его бизнеса. Нежно взяв сына на руки, отец произнес игриво строгим голосом: «Ну вот ты точно будешь не маминым сыночком, а вырастешь большим, сильным мужчиной, каким должен быть сын Исмаила!»

Немного стоит здесь опередить события, раскрыть бы папе глаза на происхождение его пятого ребенка, на состав его сердца из капель глубоких морей и океанов, вобравших в себя самые прохладные и чистые ноты, на тот цвет индиго, который так и освещал прожектором весь потолок маленькой палаты, куда его с мамой переместили после его появления на свет. Стоило одного лишь зоркого взгляда, и можно было бы предугадать всю предстоящую мягкость этой прекрасной, тонкой натуры, наполненной самыми разными оттенками: от полупрозрачного небесно-голубого цвета капель до самого глубокого оттенка берлинской лазури. Можно было бы без малейшего колебания понять, что этот малыш будет расти как дерево, пустив корни глубоко в землю, и питаться глубокими водами, утоляя жажду своей же стихией. Что, видя моря и озера, он будет терять всякую связь с миром и окружением и будет целиком поглощен могущественными волнами. Можно было бы понять, что он рожден созерцать и создавать красоту. Но отец этого всего не видел, он был слишком вдохновлен тем, что, наконец, сможет удовлетворить свои ожидания по поводу идеальности мужского образа в своем сыне. Того образа, который передается из поколения в поколение без всякого права существования разнообразия и отхождений. Исмаил был словно слабовидящий, которого освещали путь под ногами пламенем свечи, чтобы тот не оступился...

В противовес отцу мама, взяв на руки своего сына, была удивлена глубине цвета его глаз и, уже сразу прочувствовав всю бескрайность души своего малыша, поняла, что этот цвет не сменится с возрастом ни на какой другой и насколько ее Исмаилу придется поменять со временем свое отношение и к старшим сыновьям, и к этому мальчику. Ну а для себя приняла безропотно всю свою будущую роль проводника и защитника тонкого мира своего мальчика.

Время шло, как и во всех обычных семьях, долго и со своими ускорениями, замедлениями и остановками. Илан рос очень спокойным мальчиком. Старшие братья и две сестрички были очень заботливыми и помогали и маме в домашних делах, и братику расти в безопасности и познавать радости жизни. В связи с существованием такого большого разнообразия маяков в жизни Илану не приходилось познавать беду одиночества, плач и грусть из-за недостатка внимания и любви. Так он от мамы, братьев и сестер познал свой первый урок в жизни: мир безопасен и очень интересен, а мне в нем все дороги открыты. Отца дома часто не было, и, приходя домой, он часто был занят своими делами. Илан в нем видел некую фигуру, на которую можно опереться, он все знает, и фигура эта значимая для всех. В минуты отдыха отец брал его на руки и вскидывал в воздух, отчего захватывало дух. Было жутко страшно, но и

приятно. Мальчику это нравилось, но ближе пока он не сумел с отцом пообщаться, а для этого еще вся жизнь была впереди.

В воскресенье семейство собиралось в гости к старому другу отца в большой старинный дом за городом. Детям очень нравилось посещать дядю Ади, так как в его доме можно было всегда найти красивые старые украшения, светильники, ткань и, самое важное, скромные места для любимой игры и спрятаться от всех глаз. Мама была рада любому выходу из дома, а особенно к подруге, с которой можно было без слов общаться обо всем на свете. Ханна надела свое оранжевое любимое платье. Женщина была небольшого роста, с выраженными природными изгибами, которые точно описывали ее мягкость души и плавность действий. Она обратила внимание, что Илану не нравится ее платье, так как он долго смотрел на него и потом сильно заплакал, будто испугался яркого цвета. Маме пришлось искать другое платье, так как сын никак не успокаивался и не хотел идти к маме на руки. По приходе гостей все: и взрослые, и дети – готовы были поиграться с малышом Иланом, и маме удалось немного забыть за чашкой чая с хозяйкой дома. Малыш, как и стоило того ожидать в его возрасте семи месяцев, очень любил все красивое не только созерцать, но и обязательно потрогать, а лучше, попробовать на вкус. Он уже неплохо передвигался самостоятельно на животике и пытался приподняться, чтобы ползать. Тут его старшая сестра Идит взяла его на руки и поднесла к одному из ярких источников света, которые были повсюду в этом доме. Подбежали и другие дети и решили показать мальчику, насколько красиво переливаются цвета бисера, которыми обшит плафон. В комнате была полутьма и немного темно, поэтому после включения лампы по стенам полилась полупрозрачная разноцветная ажурная картина. Все дети были в восторге от этой красоты. Немного поиграв с перемещениями светильника, заставляя эти огни на стене передвигаться в медленном вязком танце, дети наигрались и хотели уже разойтись и выключить лампу. Илан, вдоволь потрогав огни на стене, попросился ручкой к светильнику. Идит, как и остальные братья и сестра, всегда помогала ему и, оценивая ситуацию по безопасности согласно своему соображению, вела младшего малыша по жизни тропами удовлетворения его интереса и познания мира. Подойдя к столу, малыш резко схватил плафон ручкой.

До другой комнаты, где сидела Ханна с хозяйкой дома, донесся резкий крик и плач малыша, обе подруги прибежали на зов. Взяв сына, молодая женщина попыталась первым делом понять масштабы оказания помощи, параллельно все дети наперебой рассказывали о случившемся несчастье. Мама посмотрела ручку малыша, поняла, что нет особой нужды в какой-то быстрой помощи, и успокоила его, приложив к груди, – самое лучшее лекарство от всех болей и невзгод в этом возрасте. Малыш же, успокоившись, сел у мамы на коленях и взглянул на красивый светильник, и так он познал второй урок в своей жизни: желание обладать красотой, возможно, будет причинять боль.

Илан рос и развивался, и никто не заметил, как прошел его первый год жизни. И вот наступил его день рождения. Отец в эту честь, как и всем старшим детям, устроил большой праздник. С этих пор он уже мог позволять себе начинать разговоры о том, что Илан – мужчина. А в его понимании— настоящий мужчина! Гости было очень много, дети все, от мала до велика, играли во дворе. Женщины вели свои беседы, мужчины – свои. Как и полагается на настоящем празднике, каждый получал удовольствие, не мешая другому. И вот настал момент задувания единственной свечи на торжественном торте. Отец взял сына на руки и поднес к столу. Илан уже видел неоднократно, что надо делать с этой мягко плавающей оранжевой струйкой эфемерной жидкости в воздух, но сам еще не умел создавать то волшебство, что заставляет ее танец прекратиться и исчезнуть. И он был бы рад и далее наблюдать за этой красотой, а ему со всех сторон и родители, и братья, и сестры, и гости— все в один голос говорили то слово, что у него ассоциировалось с прекращением жизни этой диковины. Внезапно папа засмеялся и задул за него свечку, что довольно сильно расстроило его, но, как и полагается малышу в этом возрасте, да и еще долгие годы вперед, ничего не сказать о своих чувствах.

Просто принять как течение жизни. Принять как сверху сказанное. Принять как стену, через которую никак не пройти насквозь, даже если очень хочется выйти на улицу, преодолев ее именно тут, посередине. Он только вздохнул. Заметила только мама и уже достаточно подросшая, очень чуткая и пронизательная Идит. Ирит же, как и полагается цветку, была еще более мягкой, чем младший братик. Она указания отца принимала как законы вселенной. Поэтому она не заметила это разочарование в силу и возраста, да и будучи более повзрослевшей, скорее, закрыла бы на это глаза.

Этот урок жизни уже был очень хорошо знаком мальчику, и он был одним из тех, что заставляли его чувствовать неприятные, иногда взрывающие изнутри волны негодования. Бывало, он громко начинал плакать от этой волны возмущения, но если с мамой, сестрами и братьями была помощь, поддержка, сочувствие тому, что ему против его воли и желания перечили, то с отцом это было обычно ситуация со стеной, которую не пройти. Этот урок жизни можно было описать одним словом – лишение. И преподавал его именно отец чаще всего, в те самые редкие минуты своего пребывания с мальчиком.

С тех пор, как наступил тот день, когда все веселились, зажгли эту оранжевую струйку, которую задул его отец, с этого дня в лексиконе папы появилось еще одно слово, обращенное к Илану. Это слово отдавало какой-то волной удара воздуха от сильнейшего ветра в нос и рот, когда перекрывается дыхание и невозможно вдохнуть. Такое жуткое ощущение бессилия перед неестественным закрытием потока воздуха самим же воздухом. И это слово было «Мужчина». Как оказалось в последующие годы жизни мальчика, это существо – мужчина – не должно было уметь плакать, хныкать, просить, устывать, должно было зарабатывать деньги (Илан смутно понимал, что это, но это было необходимым качеством), должно было быть сильным, терпеливым и стойким. Также были такие качества, которые считались неподходящими для этого образа: любить красоту и созерцать ее, рисовать, ощущать и чувствовать краски пальцами, писать стихи и многое другое. Однажды, когда ему уже успели зажечь 3 свечи на торте, которые он гордо на этот раз задул сам, он подошел к маме после очередного скандала с отцом. Скандал случился по поводу какого-то пустяка со слов отца, от которого Илану стало очень горько. Хоть оценка ситуации уже была дана, и это очередной пустяк, почему-то малыш был очень расстроен и громко с протестом плакал. Ханна мыла посуду, ее руки были измазаны в масле. Она взяла сухое полотенце и просто протерла руки, так как вода навряд ли помогла бы в этой ситуации быстро. Она нежно улыбнулась и обняла его, поцеловала и посадила к себе на колени. Мальчик чуть успокоился и прижался к маминой груди, спросил, почему она сделала его мужчиной, а не таким, как Идит или Ирит? И тогда она начала залечивать его очередную рану как обычно своими придуманными на ходу маленькими сказками, которыми она баловала всех своих детей, а ее саму – ее мама, а маму – бабушка.

– Давным-давно жил один маленький котик, а звали его как? – начала свой рассказ мама.

– Гонки!

Это было любимое имя малыша, которое давалось всему, что могло существовать в его мире! Муравей, стрекоза, машинка, кот – что угодно, имя выдавалось всем одно —Гонки. Тут взгляд Ханны попал на красную машинку без одного колеса у стены на полу кухни, и она продолжила:

– Да-да, котик по имени Гонки. Он был такой славный и милый. У этого котика были машинки, очень быстрые, с большими колесами, с маленькими, те, что побольше, и те, что поменьше, красные, зеленые и еще какие цвета?

– Синие! Были еще синие!!! – сказал малыш с покрасневшим носиком.

– Точно, – продолжала мама. – Итак, однажды одна из больших машинок участвовала в гонках с маленькой, и она выиграла и заняла первое место. Маленькая машинка очень расстроилась и плакала, хотела тоже выиграть, хоть и много раз ей родители говорили, что главное не победа, а что?

– Участие! – заявил довольный собой Илан подходящим малышу говором.

– Верно, но маленькая машинка была очень расстроена. Все равно она чувствовала эту грусть, потому что она хотела выиграть, и это нормально. Она хотела быть первой, и это тоже нормально. Просто силы были неравные, и ей было очень сложно выиграть у большого автомобиля. Поэтому она и проиграла, была расстроена и плакала. Тогда ее котик Гонки взял на руки и обнял, вот так поцеловал в лобик и рассказал ей сказку. А что делала машинка?

– Она успокоилась, – улыбался уже малыш.

– Да, успокоилась. А ты знаешь, что было на следующий день? Большой автомобиль ходил на детскую площадку поиграть и уронил свой самый любимый блестящий алмазик в щель между лестницей на горку и самой горкой.

– Мам, а это такая же блестяшка – драгоценность, как у Ирит? – перебил рассказ любознательный Илан.

– Да, такая же! – подтвердила мама. – Так вот, никак он не мог достать эту блестяшку, так как его колеса были очень большими и не пролезали в щель. Тогда он увидел на площадке как раз ту маленькую машинку, которую обогнал на гонке. Он ее попросил помочь, а она с удовольствием помогла и достала его алмазик. Он ее поблагодарил и был очень рад, что она ему помогла. Так они нашли оба по одному новому другу. А маленькая машинка еще и поняла, что у каждого есть свои способности и свои победы.

Ханна вспомнила про котика, который был в начале ее рассказа, и решила завершить его, но что-то ее остановило. Тут она обернулась на бесшумное движение и заметила, что рядом стоит Ирит. Мама позвала девочку и обняла ее. Она же посмотрела на младшего братика и решила завершить рассказ по-своему. В делах любви Ирит равных не было. Она полностью оправдывала свое имя и была похожа на настоящий хрупкий и нежный цветок.

– Да, котик любил все свои машинки одинаково, как наша мама. Ты помнишь, Илан, как мама нам рассказывает про свои пальчики? Сколько у мамы пальчиков на руке? И какой из них можно поранить и ей не будет больно?

Мальчик схватил мамину ручку и прижал к груди, и быстро произнес:

– Никакой! Никакой не надо ранить!

– Правильно, если сделать любому пальчику больно, мама будет чувствовать одинаково. Так и котик, он любил все свои машинки одинаково!

Ханна давно привыкла к поправкам в свои сказки и понимала, что они не идеально сложены, ибо каждые новые фразы приходят к ней в процессе, часто приходится импровизировать, но всегда была рада слышать дополнения от своих детей. Ведь только так она могла увидеть все глубинные страхи, переживания, интересы и интерпретации взрослого бытия в глазах своих детей, которые всегда спрятаны за семью занавесами детского мира.

Так Илан учился любви всеобъемлющей, светлой, принимающей и не знающей сравнений и превосходства. Любви, которая каждым шагом идет рядом со свободой и принятием.

Глава 2

Тем временем дни сменяли ночи, Солнце – Луну, недели шли, а месяцы и годы пролетали вереницей событий жизни. Илан рос и развивался, как и случается ребенку в большой дружной семье, очень быстрыми темпами и учился жизни и ее правилам с каждым восходом солнца. И так наступил день, когда ему необходимо было уже идти в школу. Он был заранее готов к этому дню, и много раз уже с него отец брал обещание, что он будет учиться на самые высокие оценки, успевать и быть если не самым первым, а это непременно было бы здорово, то хотя бы одним из первых. Этот груз ответственности он нес на своих плечах уже не первый месяц и понимал, что никак не может отступать от старших братьев и сестер, которые были успешными учениками. Старшие братья: благородный Амирам, на которого во всем можно было положиться, и харизматичный Ашер – душа любой компании— заранее его подготовили к вопросу о том, что, возможно, необходимо будет иногда защищаться от заносчивых мальчишек-одноклассников, но уверяли его, что в любом случае они всегда рядом и всегда его будут защищать от нападков старших детей, если это будет необходимо. Кроме ощущения неуверенности и страха перед новыми обязанностями, которые уже легли тяжелым грузом в его сердце, все остальные аспекты школьной жизни его не беспокоили, а наоборот, даже очень притягивали к новым приключениям.

Исмаил за это время уже начинал чувствовать, что ожидания его насчет младшего сына мало оправдываются, но принимать это и верить в это никак не хотел. Ко всему вдобавок мальчик оказался левшой, во что Исмаил очень долго не верил и за каждым ужином поправлял мальчику приборы в руках, чтобы тот правильно ел. Момент с ручкой и кистью он пропустил, о чем очень сожалел. Он готов был горы свернуть, всем доказывая, какой Илан сильный, мужественный мальчик, как может задать всем уличным мальчишкам трепку. И ничего не хотел слушать про такие пустяки, как современное понимание доминантного полушария и зависящих от этого талантов людей. Это, по его словам, были обобщения, которые готовы принимать современные родители. Его сына это никак не могло касаться. Когда же замечал мальчика за бумагами с красками с Идит и Ирит, а еще хуже, в игре с куклами, то выходил из себя и яростно высказывал Ханне, что всех сыновей она воспитала девочками. Что он, занимаясь работой в своей лавке, не видит детей, которые постоянно в школе, а дома занимаются женскими делами. Однажды он заявил ей, что с этих пор он будет приезжать домой и забирать Илана после школы и выполнения уроков к себе в магазин. Мальчику необходимо больше общения с отцом и видеть образ поведения и занятий, как подобает растущему молодому человеку. Иначе так он совсем будет испорчен девичьим обществом.

Первые месяцы школьной жизни воспринимались Иланом интересными, уроки давались достаточно легко. Хотя ему гораздо больше нравилось слушать мамины сказки и читать книги, в области математики у него тоже были высокие баллы, чем он очень радовал отца. Вспоминая эти моменты во взрослой жизни, он отчетливо определял, что ни разу у него не возникало чувства удовлетворения от себя за эти баллы и радости от достижений. Он только выдыхал каждый раз, когда получал наивысший балл, что не придется перед отцом оправдываться.

Наступил день, когда Илан приехал первый раз после школы к отцу в лавку. Конечно, Исмаил уже давно готовил сына к тому, что ему необходимо будет поступить непременно в то учебное заведение, куда он когда-то сам не смог поступить, и стать экономистом, о чем мечтал его отец, дедушка Илана. После этого, по окончании, он сможет продолжить дело отца, и, возможно, однажды Илан станет большим, успешным бизнесменом. Илан ходил по маленькому магазину и восхищался своей значимостью, и почти с любовью рассматривал товар на прилавке. Ему показалось, что было бы здорово расставить его по-другому, чтобы цвета сочетались более контрастно, формы создавали узоры, а там, где был самый темный уголок мага-

зина, на столе он увидел белые коробки с коричневым кусковым сахаром, покрытым пудрой из сушеной вишни. Он жутко не любил вишню, но коробки были уж больно сверкающими. Это были подарочные коробки, которые чаще всего было принято в этом городке молодым людям дарить при обручении своим избранницам. Самой интересной в этой коробке была как раз ленточка, которой они были перевязаны, на ней были золотые полоски, которые на солнце переливались так, что ослепляли глаза. На белом фоне крышки коробки сверкала Красная глянцевая надпись «Саанди».

Не заметив, как он вошел в свою роль, он взял несколько таких коробок столбом и решил передвинуть к окну, чтобы они там сверкали своими лентами и вызвали восхищение у покупателей. Непременно всем бы понравилось видеть такую красоту. Он не заметил, что уже давно ходил с развязавшимся одним шнурком на левой ноге, но так как он ходил, доверяясь подсознательному, то шаги были ровно настолько правильно рассчитанными, что шнурок не мешал его бодрой походке. А тут взяло верх сознательное: чтобы пройтись максимально аккуратно между стойками товара, он начал отсчитывать каждый шаг, который не видел за столбом из коробок в руках. Не прошел он и 2 шагов, как свалился с коробками лицом на пол, а рядом лежащий товар из сладостей различного состава, вкуса, цвета и формы свалился сверху. Произошел некий маленький погром лавки отца, хотя намерения были самые благие. Ему хватило одного только взгляда отца, чтобы понять, насколько он опрометчиво поступил. Илан вскоре оказался дома, отец сообщил Ханне, что мальчишку пока рано брать в магазин, а вечером они вместе будут обсуждать и распределять его новые обязанности по дому. Илан сидел в своей комнате и жестко решил, что однажды, став хозяином этой лавки, он выбросит все эти коробки с сахаром с вишней и больше никогда не будет их заказывать. Что за недоразумение – покрывать сахар вишней!

Учитывая постоянные грубые замечания папы, связанные со всеми кондитерскими изделиями в его магазине, в какой-то момент жизни Илан осознал, что вообще не любит сладкое, и мало понимал других ровесников, которые стремились всегда к лакомствам подобного характера. Он мало понимал и осознавал, что те лишения, которыми обычно одарял его самый значимый взрослый в его жизни, что все грубые замечания по поводу его состоятельности как оптимально удобного ребенка, тихо точили в нем эту защитную позицию отказа. Отказа от сладкого, порой даже красивого. Отказа от своих потребностей и своих желаний. Отказа от себя. Он всегда хотел и желал оправдать ожидания отца, хотел быть таким, каким его хочет видеть Исмаил, быть хорошим сыном, но чем больше он старался, тем хуже почему-то получалось. Он никак не мог подобрать тот ключ, который бы идеально подошел. Если это было относительно учебы, то всегда возникали вопросы вместо поддержки и похвалы. Если был получен не наивысший балл, то отец спрашивал, сколько детей в классе получили именно его. Если самый высокий балл был у Илана, то вопрос относился к количеству других учеников, кто получил также. В общем, всегда наступало обесценивание. Обесценивание любого вклада. Самым сложным были уроки чистописания. Особенно если учесть, что Исмаил всегда славился своим красивым почерком, который он перенял у своего отца. И в молодости он был одним из самых известных мастеров по созданию вывесок на магазинах. Уроки по чистописанию иногда мальчику приходилось переписывать до пяти, иногда даже десяти, раз. Пока все дети гуляли и радовались действительности, Илан провел несчетное количество часов жизни за тем, чем он никогда так и не занялся в последующем в жизни.

С тех пор, как он уронил те ненавистные теперь коробки сахара с вишневой пудрой, прошло 3 года. На день рождения в десять лет отец подарил ему огромный multifunctional калькулятор. Илан был счастлив. Ему нравилось, что этот аппарат мог все посчитать, красиво сверкая цифрами. Самое неприятное, что было связано с этим аппаратом, это то, что частенько мальчика посещала мысль, от которой становилось безумно страшно: «А что, если его разобрать и посмотреть, что там внутри за механизм?» Но он прекрасно понимал, что это прак-

тически было бы равноценно катастрофе, поэтому, защищая себя от этих дурных мыслей, от которых ему становилось перед собой даже стыдно, он ненавидел порой свою фантазию и считал, что в эти моменты в его голову поселялись бесы. Он много о них слышал от мальчишек во дворе. Иногда так выражался его отец, когда кто-то совершал злодеяния по оценке отца. Также он слышал, что от них можно избавиться, и о методах избавления успел хорошо расспросить у своих друзей. Поэтому каждый раз при мыслях о разборе калькулятора он исправно и дотошно выполнял все обряды по изгнанию бесов из своей головы.

Дела в магазине шли тоже не самым лучшим образом. Калькулятор мало помогал в понимании, что надо сделать, чтобы «бизнес взлетел». А этого непременно надо было добиться, так как отец один все тянет на себе, и ему никак не удастся этого добиться в одиночку. Илан – именно тот, на кого можно положиться, и только он сможет быть опорой отцу в этом вопросе, когда вырастет. Юноша мало понимал, почему, раз он такой единственный и неповторимый, такой интеллектуально развитый и сильный, каким отец его описывал перед знакомыми и друзьями, он в один момент превращался в «малосостоявшегося сопляка», который ни на что не способен. Он никак не мог сопоставить эти две чаши весов, чтобы они смогли, наконец, прийти в равновесное состояние. Чем больше расходились чаши, тем больше он стремился к этому равновесию. Он продолжал стараться быть лучше и работать над собой, чтобы максимально удовлетворить ту чашу, которая его хвалила, и нагрузить ее, чтобы она чуть хотя бы спустилась. Но почему-то чем больше он клал в нее силы, старания, оценки, знания, книги... тем легче она становилась, и требовалась больше усилий.

К началу подросткового периода жизни Илан был уже в глубокой фрустрации в отношениях с отцом. Учитывая то, что наладить отношения и найти поддержку и нить связи с отцом у юноши так и не получалось, наступила пора принятия и отдаления от этой связи. К четырнадцати годам Илан уже мало был ориентирован на отца и больше укреплял свои связи со старшими братьями, которые ему казались уже совсем взрослыми. Оба брата посещали высшее учебное заведение, куда поступили сами на бюджетной основе, чему отец несказанно был рад и чем гордился. Избранная Идит, окончив с самыми наивысшими баллами во всем городке школу, поступила по квоте в иностранный университет и уже год, как обзавелась крыльями и улетела в дальние края. Илан изрядно тосковал по старшей сестре и очень хотел, чтобы Ирит навсегда оставалась с ними. Разговоры о помолвке и свадьбе сестры и отъезде в чужой дом очень расстраивали его, хотя он понимал, что это обычная вереница событий жизни и все идет своим чередом. Ему было сложно принять эти расставания своим сердцем. Каждый раз, когда отец его пытался приструнить указами о том, что необходимо делать и как надо жить, он приходил к маме, ничего не говоря, просто просил рассказать ему свои сказки из детства. Залечивание ран души не знает времен и поколений, это он узнал и научился у мамы и сестер— обладательниц этой древней тайны пробуждения жизни в любом израненном и даже убитом сердце. А также он в своем еще столь раннем возрасте уже хорошо проследил, что передаются эти тайные знания и мудрость от матери к дочери уже много тысячелетий вертикальной струей энергии тепла, доброты, принятия и бесконечной любви. Ибо он имел очень зоркое, наблюдательное и чувствующее сердце.

Чем больше Исмаил пытался привлекать Илана в дела своего бизнеса и настаивать на его образовании в области экономики, требуя самых высоких успехов в математике, тем более он замечал отдаление сына и его сопротивление, что приводило его порой в ярость. Юноша напрочь невзлюбил как сам этот школьный предмет, так и учителя. Ему гораздо ближе были его краски и кисти, которые ему дарили Амирам, Ашер и Ирит на накопленные средства, выдаваемые отцом на карманные расходы. Мама и братья с сестрой всегда восхищались его умением передавать самые тонкие, еле различимые тоны красок, переливающиеся в целостной живой картине. Он мог часами смотреть в одну точку и видеть десятки различных оттенков одного только голубого цвета в медленных, тихих волнах моря в теплые дни. Наблюдая за небом,

рисовал картины, в которых были облака, словно ожившие, они двигались и летели, как мягкая пушистая вата. А порой, особенно в пасмурные дни, когда солнце светило ярко сквозь местами серые облака, у него получалось передать даже то свечение ярких лучей светила, которое ослепляло наблюдателя своим желтоватым сиянием. Однажды маме он на день рождения нарисовал небольшую картину ее любимых цветов сирени в оттенках от светло-лилового до баклажанного цвета. Картина получилась такая, что смотрящему с определенного угла хотелось взять и поднять красивую ветвь с листа черной бумаги. Он очень любил рисовать на черном фоне, так как контраст получался еще ярче, а картина более живой и объемной. Подарок он преподнес, когда отца еще не было дома. Все были в очередной раз восхищены его работой. Ханна знала, что Исмаил считает это занятие тратой драгоценного времени, которое можно израсходовать на более важные и ценные дела. И знала, что, увидев это он, Илану крупно достанется в виде длинного монолога нравоучений отца. Недолго думая, она спрятала картину в свой сундучок с драгоценностями, которые ей дарил Исмаил.

Вечер маминого дня рождения ждали все. Позвонила Идит, с которой вдоволь пообщалась не только мама. Исмаил каждый раз, разговаривая с дочерью, не мог сдерживать слезы, отчего сильно нервничал, особенно когда вся семья была в сборе. Он так и не смог принять то, что отпустил свою девочку в столь далекое путешествие. После разговора с Идит все сели за праздничный стол, и отец семейства был очень доволен, что мама в красном платье, которое он ей так долго выбирал ко дню рождения в подарок. Он держал большую, красиво украшенную мелкими узорами ложку для того, чтобы взять себе салата в тарелку, и понял, что во всей красоте Ханны чего-то не хватает – украшений. Внезапно он встал и направился в спальню, чтобы самому выбрать украшения к платью супруги. На вопросы, куда он пошел, он лишь улыбнулся ей и подмигнул. Открыв сундучок с бережно хранимыми сокровищами своей любви, он заметил маленькую картину сирени. Конечно, в первую очередь он был поражен красотой веточки, но потом какая-то неизвестная сила в нем разбудила того, кого остановить было уже нельзя.

Вернувшись в обеденный зал, он обратился к Илану:

– Ты где сегодня был?

– Делал дополнительные задания по математике, я же тебе говорил, – ответил с колебанием в голосе юноша.

Он ненавидел говорить отцу неправду, но это был единственный вынужденный способ выбираться смотреть на волны и рисовать закаты. Молодой человек еще сам не понимал, что для него это как вода для растений, без которой их ждет увядание, как воздух, без которого невозможно выжить. Он не понимал, что в доме его души погаснет навсегда свет, если он оставит свою страсть созерцать красоту и покинет кисть и краски. Он сам еще этого не понимал, что говорить об отце.

– Я тебя сегодня попросил заменить меня в магазине, пока я отъеду за товаром и встречу с клиентом, а ты мне еще и нагло в лицо лжешь?

Ярость его охватила его в первую очередь из-за того, что сын занимался недостойными и нелепыми в его глазах занятиями, да еще и украдкой. А вдобавок его и обманули. Это была высшая точка, которую можно было кому-то в семье достичь в его пирамиде злодеяний. И тогда он добавил практически шепотом, сквозь стиснутые зубы:

– Где эти твои девичьи игрушки? Где твои краски?

Ничего не оставалось, как встать и пойти принести все свои краски и кисти с бумагой. Больше их Илан не видел. Несколько последующих лет. Он из этой истории помнил только то, что мама плакала, что было для него гораздо больнее, чем сломанные кисти и выброшенные краски, купленные на лишения, которые себе создавали Амирам, Ашер и Ирит. А еще он очень четко запомнил, что возненавидел рисовать. Потому что это доставляет боль маме. Причинно-следственная связь все еще была не очень отточенной в его светлой голове и добром сердце. Все, что он пока умел делать, – это ограничивать себя в наказание. Конечно, от этого

мало было плодов: жизнь мамы не облегчалась, ситуация не менялась, отношение с отцом не становилось более понимающим, а сам Илан не приобретал новые навыки и способности к развитию, но так его существование воспринималось легче. Ведь защитные механизмы все равно срабатывали, пусть и не всегда правильно и с пользой.

Глава 3

Наступила очередная весна. Выпавшие, поблекшие листья, которые были унесены ветром и осенью, ветки, которые были покрыты холодом и порой даже инеем зимой, вдруг заиграли вновь новыми красками. Необычайная способность природы возрождаться всегда, даже после самой разрушительной катастрофы, найти в себе силы снова задышать, цвести и расти. Удивительная история, которая уже много тысячелетий видна каждому, но до сих пор не принята никем. После опустошения, после разрыва и гибели чувств, после завершения какого-то этапа жизни маленькое существо— человек— думает, что это тот самый билет в одну сторону. Возникает ощущение конца и бесповоротности судьбы. Сколько проливается слез и проживается грусти и страданий. Но поразительно, что мы видим веками написанный сценарий вокруг себя, но так слепо не умеем читать эти ясные строки, словно младенцы, которые еще не научились грамоте. А чтобы дойти до того уровня, поднимаясь на холм, чтобы увидеть картину по ту сторону, чтобы дойти до того момента, когда, наконец, начнем видеть эти изящно выведенные рукою мастера буквы и сложить их в слова и фразы о жизни, многим приходится трудиться вслепую до самой старости...

Но мы вернемся к нашему герою, который начал основной долгий путь своей жизни к обучению грамоте. Ему предстоял хоть и долгий путь, но он еще многие годы не будет понимать, что его сердце было создано, чтобы научиться видеть и читать раньше других. Что ему не только предстоит научиться читать самому, но он окажется еще и проводником другим на этом пути. Что не одна жизнь вот так зацветет или вновь расцветет новыми весенними листьями и почками благодаря его бескрайнему сердцу и всевидящему глазу. Не одно ценное зерно будет посеяно в плодотворную почву жизни тех, чьи пути к достижению вершины холма познания будут пресекаться с его тропой.

***

В дни, когда в весенние выходные устраивались ярмарки, Илан весь день помогал отцу в магазине. В эти дни особенно много было туристов и покупателей. В основном молодых, так как в стране, где Илан жил, было принято весной, в пору созревания новой жизни, создавать новые связи и заключать помолвки и браки. Молодые пары всегда приходили на эти ярмарки присмотреться к мебели и прочим мелочам, которые создают красоту и уют в доме. Конечно, эти походы обязательно завершались покупкой красиво упакованных сладостей для невест. Юноша все еще прекрасно помнил свою историю про те ненавистные коробки, которые скалой встали на его пути к сближению с отцом и успешному началу карьеры в лавке отца. В эти дни эти коробки пользовались особым спросом!

После полудня в один из таких дней он вышел из магазина и пошел к другу Дову, чтобы выпить вместе послеобеденный чай и поговорить о школьных делах. Дов был большим, тучным молодым человеком, добрым и очень легким в общении. Он ощутимо превосходил Илана по росту, несмотря на его собственный высокий рост. В моменты, когда они дурачились на школьной территории, Дов старательно пытался не разбить кости своему другу самого раннего детства, так как весовые категории у них были самые что ни есть разные. По дороге к дому Дова Илан заметил необычную картину, которая заставила его остановиться и прислушаться, сам того не желая, к чужому разговору. В эти моменты, когда он видел что-то истинно ценное, он забывал все правила приличия и мог уставиться самым замороженным взглядом и впитывать энергию добра, лучи света, красоту любви и сияние мудрости.

На дороге прямо посреди улицы на тротуаре сидела молодая, современно одетая мама с ребенком и что-то рисовала и рассказывала своему сыну, которому на вид было около 6–7 лет. Он подошел ближе, чтобы посмотреть рисунок. Хотел спросить разрешения, но мама так увлеченно рисовала, что ему стало очень неловко прерывать этот порыв музыки, а он знал,

что это такое, не понаслышке. Подойдя поближе, он увидел, что вся тетрадь изрисована разными человечками в самом примитивном виде в разных жизненных ситуациях: с машинами, на дороге, в каком-то здании, с разными эмоциями на лице. И тут он вслушался в речь мамы.

– Видишь, милый, чем эти два человечка отличаются друг от друга? – спросила мягким голосом мама.

Ребенок ответил жестами. Судя по всему, ответ был в том, что рисунки ничем не отличаются, так как обе фигуры были приблизительно одного роста и размера и оба улыбались.

– А теперь представь: один из них держит ружье. Помнишь, мы читали книжку про охотника, который стрелял в зверей в лесу, про оленей, помнишь?

Ребенок кивнул маме. После этого она продолжила:

– Ну а теперь они тебе все еще кажутся одинаковыми?

Мама смотрела на сына своими красивыми глазами, которые освещали жизненный путь этому маленькому мальчику, и добавила:

– Теперь ты понимаешь, что внешнее – это совсем неважный признак, добрый ли человек или злой, хороший или плохой, друг тебе или враг. Неважно, во что он одет, какого цвета его волосы или на каком языке он разговаривает. Важно, что он несет в своем сердце и какие у него намерения. Понимаешь?

Илан продолжил свой путь в раздумье. Он сам не заметил, как уже стоял у дверей дома Дова. Он даже не знал, давно ли тут стоит. Вернула его к жизни младшая сестренка Дова, девочка 4 лет, крикнув на всю улицу его имя. Девочка бросилась к Илану и начала требовать от него сразу же поиграть в ее любимую игру. Открыв дверь и зайдя за калитку, Илан тут же стал считать, закрыв глаза, а девочка уже давно убежала прятаться.

За чаем друзья вдоволь наговорились и обсудили школьные проблемы и планы, после чего Илан описал другу историю об увиденном сегодня случае. Дов не умел так красиво говорить, как его друг, и рассказывать о своих эмоциях и чувствах, но ощущал он жизнь и природу не меньше и не слабее Илана. Они прекрасно понимали друг друга, иногда не произнося ни слова. Дов был также впечатлен умением той мамы так просто и наглядно объяснить столь сложные и важные, особенно в их стране, вопросы. Он даже предложил, что надо было бы такую маму клонировать и ставить во всех школах основным преподавателем.

После того, как все разговоры были уже завершены, Дов решил, что друг сегодня в хорошем настроении и можно попробовать поговорить с ним о том, что уже давно стояло комом в его горле, но он никак не мог выдать из себя. А так как он не умел особенно красками размазывать и узорчато раскрашивать свои речи, то начал прямо и без затравки.

– Илан, когда ты вернешься к своим картинам? – выдал он из недр своих воздухоносных путей практически одним выдохом и сразу почувствовал небывалую легкость.

Юноши смотрели пристально несколько мгновений друг на друга, после чего Илан собрался с мыслями и произнес одно только слово:

– Никогда.

Они оба прекрасно понимали, как ему тяжело, что он бы с удовольствием вновь начал, но уж эти наказания! Он так к ним привык... Все прекрасно знали, что и мама, и братья, и сестры, и его друг, и, главное, он сам— все хотят одного, чтобы Илан вернулся к кистям и краскам, к своим живым картинам. Все это понимали, но и то, что эта игра «Преступление и наказание» настолько хорошо заучена, что отказаться от нее будет целой историей вновь зарождения. А для этого нужна новая весна! И все ее ждали.

Глава 4

– Ханна! Ханна! Ну где ты? – кричал из прихожей на первом этаже дома Исмаил.

Супруга быстрым шагом спустилась и протерла полотенцем новенький дипломат в руках мужа, чтобы уж точно там ни одной пылинки не осталось.

– Где он есть? Где твой сын? Он не понимает, что мы едем на столь важную встречу? Почему он еще не готов? Почему не спускается?! Он меня не слышит? – протараторил Исмаил.

Он уже почти 7 минут ждал у выхода, когда спустится из своей комнаты Илан, чтобы поехать на встречу по поводу его поступления в университет в другой город.

Илан сидел на кровати в своей комнате, и, как он ни старался, быстрее у него не получалось одеться и выйти, хотя перед завтраком ему казалось, что он уже полностью готов к выходу. Конечно, он нервничал по поводу предстоящего собеседования и в глубине души сам не знал, хочет ли именно в этот университет и на факультет экономики или нет. Предметы, которые касались математики, точные науки ему давались с очень большим трудом. Но так как страх разочаровать отца, а еще больше привести в ярость, брал верх, то он получал баллы выше среднего. На бюджетное место он вряд ли мог претендовать, но отец ему уже четко утвердил, что если не попадет на бюджет, то это образование Илан получит на платной основе.

Наконец, справившись с носками и обувью, он спустился, и, выслушав речь отца о своей безответственности, он начал свой путь на собеседование.

Служащий, ответственный за абитуриентов на факультете экономики, был одним из выпускников этого же факультета. Он полностью описал Илану его будущее окружение. Молодой человек около 30 лет в достаточно свободном темно-синем клетчатом костюме сидел за столом в своем большом кабинете. На столе у него были ручки, бумаги, видимо, других поступающих и какие-то другие канцелярские принадлежности, которые были дотошно правильными, прямыми линиями расставлены на столе. Также юноша заметил, что собеседник во время разговора несколько раз поправлял их, словно кто-то за это время сдвигал их с места, нарушая их безупречный порядок. Весь кабинет Илану показался темно-серым, монохромным, как и сам молодой человек. В ознакомительной речи он Исмаилу сразу сообщил, что уже просмотрел рейтинг и баллы его сына. Он явно дал понять, что очень маловероятно, что юноша попадет на бюджетную основу на учебу. Также добавил, что на платной основе тоже конкуренция и необходимо будет ждать окончательного решения. Он говорил очень мало, и только по делу. Илану показалось, что основные слова в его лексиконе были «логически», «логично» и «анализировать». В какой-то момент юноша забылся, ему померещилось, что они идут по серому металлическому мосту, на котором есть только 2 пути – вперед и назад, а мост настолько узок, что хочется с него выпрыгнуть. А внизу бесконечное падение. Отец вернул его в мир текущий, когда спросил с натянутой улыбкой, достаточно громким голосом и с таким взглядом, как будто пятый раз спрашивает:

– Илан, сын, есть у тебя вопросы?

– Нет-нет. Все понятно!

Мужчины попрощались, Илан и отец пошли к машине.

При выходе из здания университета отец спросил:

– Ты где витал и о чем мечтал, пока мы разговаривали? Ты хоть понимаешь, зачем я за двести километров с тобой поехал? Я твою жизнь пытаюсь устроить! А ты о чем думаешь? Ты вообще о жизни думаешь? Если бы не мои старания, то ты бы вообще, судя по всему, никуда не поступил!

От последних трех слов Илану стало как-то даже радостно и какая-то нежная тонкая нить надежды ему померещилась на мгновение, но тут же оборвалась.

Домой они приехали к самому ужину, к вопросу об учебе никто не возвращался. Исмаил был не в духе, поэтому Ханна даже не стала ничего спрашивать о встрече.

На следующее утро за завтраком Ханна заговорила с Исмаилом о том, что Илану было бы хорошо вернуться к своему любимому делу. Раз уж он поступит в университет скоро, то он мог бы пару часов в неделю брать уроки в художественной школе, ведь сейчас так много известных художников, которые являются не менее успешными, чем любой экономист, инженер или врач. По ее словам, это было бы ему в пользу и не мешало бы учебе, если распределить по времени. С понедельника по пятницу он будет уезжать в общежитие, а в выходные как раз можно договориться с каким-нибудь педагогом тут на пару часов занятий. Эти беседы о любви сына к природе и о его чистом сердце она вела с супругом только в то время, когда он был в хорошем духе, а дома никого не было. Так он обычно становился тем Исмаилом, за которого она выходила замуж много лет назад. Тем, что обещал беречь ее хрупкий мир и никому не давать ее обижать. На очередную попытку жены он опять ясно и четко дал понять, что это будет мешать делам его бизнеса, учебе, настраивать сына против его решения и затягивать в дебри бесполезных забот и трату времени. Ну и, что немаловажно, его будут высмеивать за спиной другие молодые люди его же возраста, так как это не то дело, чем мог бы заниматься мужчина. Его аргументы всегда сводились к тому, что много ли Ханна знает хорошо живущих художников, как они могут прокормить своих детей и семью, много ли мужчин в их окружении занимаются «мазней краски по бумаге». Образование в хорошем университете, факультет, который даст ясные знания в области семейного бизнеса и уже готовое дело — это понятно, четко, ясно, видно и тут же доступно. Аргументы были приведены, спорить было не с чем. В очередной раз разговор закрыт и никаких дополнений.

Экзамены в школе завершились. Илан очень старался сделать все, чтобы поступить на бюджет, потому что в его сознание четко вжился тот серый, жесткий, узкий металлический мост, который привиделся в кабинете у ответственного за поступающих. А бюджет — это были хлипкие, но все-таки возможные пристройки канатных мостиков, которые могли иметь пути по бокам для побега, если вдруг совсем задушит движение от двух имеющихся выходов. По баллам на бюджет не получилось. Решение пришло отрицательное. Отец купил ему образование. И эта покупка и подарок Илану казались кандалами, в которые заковали его навеки. Все подготовленные тонкие веточки и шнуры, с таким жутким трудом собранные для постройки канатных мостиков, были сожжены. Сгорели дотла.

Наступил день отъезда. Амирам и Ашер уже давно жили в новом городе, где находился университет, поэтому Ханна была спокойна за младшего сына. Ирит сняла обещание с младшего братика обязательно приезжать каждые выходные, чтобы она сама могла готовить ему его любимые блюда, а он очень любил мясо, которое требовало много времени для готовки. Да и сам он еще не умел так вкусно, как сестра, готовить. Или вкус еды, которая прикасалась к ее рукам, был просто лучше. Отец дал четкие указания, что каждые выходные он должен быть дома и помогать ему по работе. И непременно он ожидает хорошей успеваемости от сына.

Дорога показалась Илану долгой и утомительной. Все его мысли были заняты мамой, сестрой и Довом, который остался в родном городке и поступил в колледж по специальности «механик». Дов мечтал однажды открыть маленький сервисный центр по обслуживанию автомобилей. В чем уж он очень хорошо разбирался — это машины. Юноша был глубоко счастлив за друга, ведь тот мог заниматься тем, что у него хорошо получалось и от чего он сам получал удовольствие. Ну и в душе себя успокаивал тем, что это тоже бизнес, и, имея свое образование, он сможет и другу помочь стать более успешным. Везде он старался видеть позитивные выхлопы для всех, кого любил. Кроме себя — о себе он чаще всего забывал, точнее, не помнил. Не помнил до того, как...

Глава 5

За первый семестр успеваемостью своей Илан был не очень доволен, а отец – еще меньше. Ему очень сложно давались предметы, приходилось тратить бесконечно много сил, времени и здоровья, чтобы одолеть то, что было неинтересно и непонятно. Но он исправно старался. Убивал свое время: минуты, часы, недели и месяцы. Убивал свой талант. Убивал свою жизнь. Отец его возвращал после каждой оценки в средний балл или чуть выше среднего в жизнь, напоминал о его обязанностях и обязательствах. Временно это помогало, юноша вновь брался за свои струны, подтягивал до самого треска и продолжал свой путь.

Наступила очередная весна его жизни. Вновь расцвело все то, что представлялось безвозвратно потерянным, что, казалось, уже навсегда разбито и растворено в эликсире времени. По дороге в университет Илан выбирал ветку и рассматривал каждую почку, которая дает дереву право вновь целиком пробудиться. Он сравнивал ожившие ветви на возродившихся деревьях с уже высохшими, которые выносили навсегда из парка рабочие городской службы по вырубке сухостоя. Илан мучительно ждал своего возрождения. Но его силы в этом году немного сдали и никак не хотели пробудить его. В эти моменты ему особо страшно становилось: а вдруг и он однажды сердцем и душой станет предметом работы служащих по вырубке сухостоя? Поэтому он радовался каждому своему чувству, каждой эмоции, понимая, что он все еще живое дерево! На нем обязательно однажды вновь вырастут новые почки и листья...

В городе еще и не было моря, которое много лет так искусно восстанавливало его силы. В городе не было мамы и Ирит, а встреч только по выходным, да еще и только по вечерам, было слишком мало, чтобы напитаться энергией любви и принятия. Так почти пролетел один год.

Очередные выходные дома. Илан радовался каждому мгновению, когда он лежал головой на коленях у мамы, а она рассказывала ему свои несовершенные, тихие сказки о жизни, сложные чувства и беды простым языком. Они теперь были немного другого содержания. Про то, как кто-то работал или не работал, как что-то у него получалось или не получалось, как влюбился, как происходило расставание. Последние вопросы в жизни Илана очень интересовали. Но ему было очень неудобно и стыдно об этом разговаривать с мамой, сестрой или братьями. С этим вопросом он ходил к Дову. Как и у всех остальных живых людей в этом возрасте, у них обоих уже бывали девушки, которые им были симпатичны и близки сердцу. Опыт отношений пока не пережил ни один из них.

Илана тревожил момент, что девушки, которые ему нравились в начале общения, потом как-то казались ему то грубыми, то слишком далекими, то какие-то мелочи, а разочарование было, как будто вместо самой дорогой вещи подсунули подделку, которая развалилась за один день. Он не мог понять, почему так. Ведь все мудрые сказки всех народов с древнейших времен воспевают Ее, настоящую Любовь, почему она не случается? А что, если все время будет вот так, разочарование и поддельное? Он изрядно волновался по данному вопросу, но в этом даже Дов его не понимал.

В один из весенних выходных он вновь с самого утра и до вечера работал в лавке у отца. Дни стояли необычно жаркие, ему то и дело хотелось принять холодный душ. Он был очень благодарен сообразительности отца в магазине отвести отдельные помещения не только под туалет и кухню, но и обустроить маленькую душевую комнату. После обеда, когда посетителей почти не было, он накинул на плечо свое большое банное полотенце и хотел пойти принять душ. Отец его позвал помочь ему перенести большой вентилятор от кассы поближе к стойкам с товарами, где в основном стояли редкие посетители. Илан, услышав зов отца, забыл про полотенце, пришел к нему на помощь и передвинул с отцом огромный агрегат. Маленький вентилятор был поставлен на стол у кассы.

В этот момент в магазин вошли женщина средних лет и девушка возраста Илана. Они стояли лицом к стойкам и рассматривали сладости. Илан сразу же решил, что девушка выбирает себе сладкий стол для церемонии своего обручения. Мама и дочь разговаривали на неизвестном Илану языке. Ему всегда были интересны разные диалекты его родного языка, а также звучание и музыка иностранных. Этот язык ему показался очень мелодичным с уст мамы, но девушка разговаривала настолько быстро, что он не улавливал ни конца слов, ни начала следующих. Мама отвлеклась рассматривать украшения на другой параллельной полке. Девушка резко развернулась и оказалась в узком коридоре между стойками. Увидев Илана столь близко, она похлопала густыми ресницами, улыбнулась, затем опять резко отступила назад. Илан растерялся от всей этой неожиданной быстроты, отчего его руку без его осознания и согласия схватила судорога, и он задел полотенцем стойку с белыми коробками, натянутыми красивыми золотыми лентами. Верхний из свертков счастья каждой пары этого городка выпал на пол и раскрылся, а из него на пол посыпались кусочки коричневого сахара, покрытые вишневой пудрой. То самое недоразумение сладкого вкуса, которое обернуто в кислое напыление цвета любви. То самое недоразумение, после которого столько было размышлений у маленького мальчика по поводу жизни, карьеры и общей любви к сладкому.

Юноша увидел коробку на полу с рассыпанными кусочками счастья, медленно сел на корточки собирать их, сам не понимая, зачем он вообще это делает и куда потом девать эти куски, и вообще что происходит. Все, что он делал, все его движения были на автомате. Потому что все его мысли были в тени густых длинных ресниц девушки напротив. Она также резко села напротив него и, все еще широко улыбаясь, быстро собрала все сладкие частички с пола и дала ему в руки, и тихо, почти шепотом, произнесла:

– У вас по плану явно головомойка от отца! Я смотрю, вы заранее подготовились и прихватили полотенце, а вместо мыла можно использовать сахар! Как романтично звучит: сахарная головомойка!

Ее и так широкая улыбка расплзлась в тихий хохот, обнажив белоснежные зубы. Она резко встала, развернулась и ушла к маме. Илан стоял, как будто его ноги стали весом в тонну каждая, а во рту какая-то вязкая речь, застрявшая навеки. Мама девушки расплатилась за все, что она набрала в магазине, в том числе оказались и некие товары, явно предназначенные для помолвки. Сердце юноши чуть не взорвалось от какой-то небывалой досады недостигнутого кубка в соревновании за счастье.

Исмаил упаковал все покупки, выдал пакеты маме и любезно произнес:

– Счастья вашей дочке!

Затем, повернувшись к девушке, искренне, как всегда, обратился к ней:

– Счастливого начала новой жизни тебе, дочка.

Женщина засмеялась и сказала, что эти все принадлежности она приобрела для сына и ее будущей невестки, а у дочки пока нет жениха. Девушка тем временем, наклонив слегка голову в сторону пробора волос, слегка раскрыв губы, наблюдала за этим бледнолицым, холодным, флегматичным, малоэмоциональным молодым человеком. Он был хорошо сложен, его волосы были светло-коричневого цвета с рыжеватым оттенком. Когда он подходил к окну, где светило солнце, то волосы покрывались золотистым медно-рыжим ореолом. Голубые радужки больших глаз напоминали Хилай морские волны в жаркие дни. Ей показалось, что в них можно утонуть. Лицо было угловатое с острыми краями, высокий узкий нос, узкий подбородок со слегка выраженными углами нижней челюсти. И его взгляд, прикованный к ней, как будто его тянул за собой невидимый магнит. Ее что-то страшно влекло дотронуться до его лица, чтобы проверить, жив ли тот еще. Она уловила себя на мысли, что юноша ей напоминает месяц в дни полнолуния. Она улыбалась своим странным мыслям и шуткам в голове. Илан же все это время так и стоял с коробкой сахара, и все на том же месте у самого окна. Но внутри него уже были совсем другие чувства. Облегчение и надежда.

– Да, так что мы к вам еще зайдём на следующей неделе – хлопот столько, но все же приятные,— добавила мама девушки, после чего они попрощались и ушли.

Глава 6

Дорога в общежитие Илану вновь показалась вечностью. Точно такой же, как и в его первую поездку на учебу. Точнее, на этот раз еще длиннее. Всю дорогу он миллион раз разобрал в голове, что есть «на следующей неделе»? Это понедельник, вторник, среда, четверг, пятница или все же выходные? Он думал и размышлял, как ему оказаться в лавке у отца на этой неделе? Как бы было хорошо работать там всегда...

По приезде он позвонил отцу и попросился приехать на этой неделе помогать ему, якобы учеба сейчас не особо напряженная, а клиентов может быть много, так как сезон, отцу надо отдохнуть, дни жаркие и еще с десятков других разных доводов вокруг тех же. Отец был растерян от такого предложения, но остался непоколебим – Илан учится как полагается, а в будние дни должен приехать только в конце учебного года, после окончания учебы и непременно с хорошими оценками.

Как прошла неделя, молодой человек особенно не понял. На учебе постоянно перед глазами появлялась эта белоснежная улыбки и смеющиеся, игривые темно-карие глаза на загорелом лице. В какой-то момент один из его однокурсников подошел к Илану и спросил, не влюбился ли тот. И объяснил свой вопрос тем, что Илан постоянно всю неделю улыбается кому-то. – Ну, если ты не свихнулся, то точно влюбился! – подытожил однокурсник.

До этого момента Илан не думал о названии, которое можно было дать своему состоянию. И не думал, что он улыбается, не смотрел на ветки с почками и не думал о службе по вырубке сухостоя. Он не помнил, какой сегодня день недели! Проверив, понял, что завтра уже начинаются выходные! Остаток учебного дня длился, по его ощущениям, ровно 3 месяца. Возможно, чуть больше. Как только закончилась учеба, он взял билет и, не дождавшись братьев с работы, уехал на автобусе домой.

Приехав в родной город, юноша пошел сразу к отцу в магазин, а по пути все думал, как разведать у отца, приходила ли та дама, которая была в день казуса с сахаром. А помнит ли ее отец? А что он подумает, если спрошу? Не будет ли допытывать, что за интерес? Вопросы так и окружали его со всех сторон, а ответов не было ни на один.

Дойдя до того места, где всю эту неделю он был мыслями, Илан догадался проверить тетрадь с записями о заказах. А вдруг дама в то посещение что-то заказала и есть ее имя, ведь отец ведет аккуратно эту книжку и, следовательно, будет запись о выдаче. В день падения сахарной коробки записей не было. А жаль. Останется только ждать и гадать.

Исмаил, конечно, был рад, что сын, приехав, не пошел к маме обниматься, а все-таки повзрослел – пришел первым делом на работу, к отцу! Просидел до самого закрытия лавки и к ужину только собрался с отцом домой.

На следующий день опять все тоже самое ожидание на весь долгий день, по ощущениям молодого человека, в целый год жизни. А каждое открытие двери лавки для него — мучительное выгорание.

Воскресенье в полдень Илан уже не выдержал и решил однозначно больше не ждать и не надеяться. И вообще, что это за ребячество, как будто ему было 7 лет, и он не понимает, что это все те же мимолетные встречи, которые приносят в дальнейшем разочарование. При этом упорно в голову лезла одна из басен, которые мама рассказывала про лису и виноград.

«Однажды лиса пробралась в сад и на высокой ветке увидела гроздь винограда. Все ее попытки достать гроздь были тщетными. Когда она поняла, что ей не достать виноград, она про себя решила: “Все равно он кислый!” и пошла прочь».

Илан уже чувствовал, что сам себя обманывает, иногда беспричинно наказывает, и ощущал порой попытки самозащиты путем рационализации своих стремлений или обесценивания,

как в данной ситуации, но так было легче. Вновь. И он шел путем, который приносил меньше боли и дискомфорта, ибо он уж больно глубоко чувствовал и ощущал.

Он удалился на кухню, сообщив отцу, что пообедал, потом отлучится к Дову вместе пить послеобеденный чай. Пока он был на кухне, слышал звон колокольчиков на входной двери — заходили посетители, он удержался и не вышел из кухни. Вдруг послышался грохот, как будто что-то упало. Илан вернулся в торговый зал магазина и увидел, что отец обслуживает клиента у кассы и указывает ему взглядом на другой конец зала. Он обошел одну сторону стойки, с полка ничего не падало, все было чисто. Обошел с другой стороны и увидел на полу те самые куски любви. Рассыпанные по полу и ожидающие нежные руки, которые смогли бы их бережно собрать и воздать им ту честь, которую они заслуживают. Подняв взор, он увидел длинные спирали знакомых кудрей и улыбку. Ту самую. Те же глаза. Она, на этот раз плавно переставив ногу, подошла ближе и приподнялась на цыпочки, чтобы шепотом сказать:

– Вы живете в аквариуме?

И тут Илан понял, что на его плече опять полотенце, на этот раз маленькое, для рук. Он хотел достать горячее блюдо из духовки и повесил полотенце на плечо. Ответить что-то внятное он был не в силах. Девушка поняла, что тот опять потерял дар речи, и решила объяснить падение коробки, на которую уставился молодой хозяин лавки.

– Я так поняла, что вас под водой можно было дозваться только громким грохотом головомойки с сахаром, – сказала полусшепотом молодая посетительница лавки и еле слышно хихикнула.

– Хилай! Опять ты хохочешь? Ты извинилась за коробку? Иди мне помоги лучше перенести все это на кассу, – произнесла ее мама с нежным мелодичным акцентом.

Мама с дочерью занялись подборкой сладостей, которые должны были непременно подойти не по вкусу, а по цветовой гамме к праздничному столу. Мама отошла к другой стойке, а Хилай продолжала стоять и, пытаясь сдержать улыбку, периодически поднимала взор через полки, смотрела в щель на бледное лицо светловолосого молодого человека, чье имя она даже не пыталась узнать. Она его уже назвала именем, которое, по ее мнению, больше всего ему подходило – Саанди.

Илан собрал в очередной раз выпавшую коробку и попытался собраться с мыслями. Потом он много раз вспоминал этот день и сам не знал, откуда у него тогда появилось столько сил, чтобы встать лицом к этой светящейся девушке, волосы которой окаймляли лицо, словно лучи солнца. Встать и тихо спросить: «Могу ли я вас увидеть вновь?»

Хилай кокетливо закатила глаза и собрала губы в наигранной задумчивости.

– Завтра в два часа на ярмарке я буду одна, два часа дня, как вы понимаете! – тихо произнесла она и тут же отвернулась от Илана со свойственной ей резкостью, словно птичка, которую никогда не поймать человеку, ушла быстрым шагом к маме.

Илан еще несколько мгновений после их ухода стоял в рассеянном состоянии, пока отец его не окликнул. Видимо, не первый раз.

– Опять твои мысли летают где угодно, но никак не там, где им следовало бы, – с неподдельной злостью сказал отец.

Затем, как любой отец, который может увидеть в делах любви всю обратную сторону карты, дернул сына за плечо и, уставившись ему в глаза серьезным взглядом, четко произнес:

– Даже не смей смотреть на девушек не из нашего близкого окружения, а другой национальности – и во сне не видать тебе! Иди, занимайся делами, – показал отец, своим привычным жестом правой руки отправив сына на кухню.

Илан вошел на кухню и сам не понимал, что происходит с ним. Там, где в груди ему казалось, что располагается сердце, было очень тепло и как будто чувство спуска с высоты свободным падением. И он поймал себя на том, что широко улыбается, а собрать губы обратно, чтобы задавить улыбку, у него никак не получается. Спустя некоторое время он заметил в левой руке

полувлажные кусочки сахара. Рука были раскрашены в красный цвет. Сахар он выкинул, руку вымыл, а из коробки, сам не соображая зачем, он взял один кусок сахара и положил в открытый в улыбке рот. Он до этого дня не осознавал сладости и ценности этих маленьких знаков любви, которыми его угощали на обручении соседей и друзей. Он всегда их выбрасывал, так как ни вкуса не понимал, ни оформления. Да и с момента своего первого знакомства с этой коробкой у него были четкие выученные уроки – найти виновного, чаще себя самого, и ликвидировать из жизни. По кусочкам. И вот впервые, попробовав их именно в том состоянии, когда душа предрасполагает, именно с теми чувствами, которыми необходимо владеть в сердце, от присутствия этих кусочков на вкусовых рецепторах языка он осознал, какое же это блаженство! Переплетение кислоты вишни с невыраженным сладким вкусом коричневого сахара. Казалось бы, противопоставление двух противоположностей, совмещенных в единое слияние. Схождение двух краев света именно в той точке, где идеальнее всего раствориться друг в друге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.